

Научная дипломатия как понятие и практика: особенности концептуализации и актуальные тенденции

Научный руководитель – Кузнецов Денис Андреевич

Курбатов Дмитрий Михайлович

Аспирант

Московский государственный институт международных отношений, Факультет управления и политики, Москва, Россия

E-mail: d.kurbatov@inno.mgimo.ru

В первой четверти XXI в. взаимосвязь науки и политики стала объектом внимания со исследователей международных отношений и дипломатов-практиков. Широкий спектр вызовов – от изменения климата и пандемий до регулирования искусственного интеллекта и освоения космоса – сделал научно-техническое знание ключевым ресурсом созидания, но одновременно и полем глобальной конкуренции. В ответ на эту тенденцию в научном и общественно-политическом дискурсе стал складываться комплекс понятий, описывающих интерфейс между наукой и дипломатией. Однако за внешним консенсусом по поводу значимости этого явления скрывается концептуальная разнородность: термины «научная дипломатия», «академическая дипломатия», «экспертная дипломатия» и «дипломатия второго трека» зачастую используются ситуативно, синонимично или с противоречащими друг другу акцентами.

Центральное место в академической литературе заняла трёхчастная модель, предложенная в докладе Лондонского Королевского общества и Американской ассоциации содействия развитию науки 2010 г. «New Frontiers in Science Diplomacy».

Согласно этой широко растиражированной модели, научная дипломатия раскрывается в трёх измерениях:

1. «наука в дипломатии» – использование научных данных для информирования внешнеполитических решений;
2. «дипломатия для науки» – использование дипломатических механизмов для содействия международному научному сотрудничеству;
3. «наука для дипломатии» – использование научного сотрудничества как инструмента для улучшения межгосударственных отношений.

Эта таксономия сыграла важную роль в первичном структурировании поля и операционализации понятия для практиков. Однако представляется, что господствующей трёхчастной парадигме свойственен ряд упущений. Во-первых, она носит во многом описательно-инструментальный и избыточно этатистский характер, рассматривая науку либо как сервисную функцию дипломатии, либо как объект её усилий. Во-вторых, она схематизирует и искусственно расчленяет сложный процесс на изолированные векторы, упуская из виду его целостность и внутреннюю динамику. В-третьих, она практически не учитывает агентность и мотивацию самого научного сообщества, имманентно транснационального, чья деятельность, движимая профессиональным этосом и стремлением решить важные социальные проблемы, зачастую первична и предшествует государственным инициативам.

В свою очередь, предлагаемый в противовес данной модели «холистский» подход понимает научную дипломатию как самопроизвольный транснациональный феномен. В этом подходе научная дипломатия предстаёт не как набор инструментов, а как целостный саморазвивающийся процесс, инициируемый учёными и поддерживаемый образуемыми

ими сетями. Первичным двигателем здесь выступает не государственный интерес или политико-дипломатическая целесообразность, а логика поиска научных решений острым глобальным проблемам, как бы «не видящая» разделяемых национальные социумы политических границ. Это взаимодействие создаёт пространство кооперации, требующее легитимации и институционализации, что оказывает «давление» на политических акторов. Таким образом, наиболее значимые политические результаты научной дипломатии, такие как построение доверия между антагонистами или разрядка международной напряжённости, часто возникают не как непосредственно запланированная цель, а как непреднамеренный, эмерджентный, побочный продукт совместной работы учёных над конкретными, аполитичными, на первый взгляд, проблемами.

В этой модели движущей силой выступают транснациональные научные сети, объединяющие исследователей, университеты, лаборатории и научные НПО поверх государственных границ. Их первичная цель – производство знания и решение конкретных проблем. Однако для достижения этой цели необходимо обеспечить свободу передвижения данных, образцов, идей и людей и адаптацию соответствующих политико-правовых механизмов, что может вступать в противоречие с политико-правовыми барьерами суверенных государств. Здесь возникает ключевой механизм научной дипломатии в холистском понимании: «давление снизу». Транснациональные научные сети, сталкиваясь с институциональными препятствиями, начинают лоббировать изменения в национальном и международном регулировании. Они предоставляют политикам экспертизу, демонстрируют практическую пользу сотрудничества, создают области доверия и взаимозависимости. Это вынуждает государственных акторов адаптировать правовые рамки, снимать ограничения и создавать формальные структуры для уже существующего неформального взаимодействия.

Таким образом, научная дипломатия переросла рамки удобной, но эвристически ограниченной трёхчастной парадигмы. Рассмотрение её как инструментального набора трех типов действий государства хотя и полезно для классификации, но упускает сущностное ядро феномена – его транснациональную и самопорождающую природу. Альтернативная «холистская» модель предлагает более комплексную теоретическую оптику для понимания исторической роли и современных трансформаций научной дипломатии.

Источники и литература

- 1) 1. Gluckman P. et al. Science Diplomacy: a Pragmatic Perspective from the Inside. *Science & Diplomacy*. 2017. Vol. 6. No. 4. pp. 1-13.
- 2) 2. Gutman G. Resources Diplomacy. *The Australian Quarterly*. 1975. Vol. 47. No. 1. pp. 36-50.
- 3) 3. Notter J. & McDonald J. Track two diplomacy: nongovernmental strategies for peace. *Institute for Multi-Track Diplomacy. USIA Electronic Journals*. 1996. Vol 1. No. 19.
- 4) 4. Merton R. *The Sociology of Science. Theoretical and Empirical Investigation*. N.Y. Free Press. 1973. 605 p.
- 5) 5. Millwood S. *The Diplomacy of Science in a Time of Geopolitical Change. The Urgent Need for Regulation of Satellite Mega-constellations in Outer Space*. Cham. Springer International Publishing. 2023. pp. 5-19.
- 6) 6. Pastrana S., Gual Soler M., & Wang T.C. Promoting Scientific Cooperation in Times of Diplomatic Challenges: Sustained Partnership between the Cuban Academy of Sciences and the American Association for the Advancement of Science. *Medical Review*. 2018. Vol. 20. No.2. pp. 23–26.

- 7) 7. Stone D. Partners to Diplomacy: Transnational Experts and Knowledge Transfer among Global Policy Programs. The Politics of Expertise in International Organizations. Routledge, 2017. pp. 93-110.
- 8) 8. Turekian V.C. et al. The Emergence of Science Diplomacy. Science Diplomacy: New Day or False Dawn? Lloyd S. Davis and Robert G. Patman, eds. World Scientific Publishing Company. 2015. pp. 3-24.
- 9) 9. Turekian V. & Neureiter P. Science and Diplomacy: The Past as Prologue. Science & Diplomacy. Vol. 1, No. 1. 2012. pp. 26-29.
- 10) 10. Van Langenhove L. Global Science Diplomacy as a New Tool for Global Governance. Pensament. Federació d'Organitzacions Catalanes Internacionalment Reconegudes (FOCIR). 2016. No.3. pp. 15-23.
- 11) 11. Крынжина М.Д. Научная дипломатия в интерпретациях российских специалистов. Международные процессы. 2018. Т. 16. №. 4. С. 193-208.
- 12) 12. Михайлов А.С., Хвалей Д.В., Михайлова А.А., Хаткевич А.А. Оценка научно-технического сотрудничества России и Индии в зеркале концепции научной дипломатии. Международные процессы. 2025. Т. 23. №. 2. С. 105-129. <https://doi.org/10.46272/IT.2025.23.2.81.3>.
- 13) 13. Райнхардт Р.О. Наука о дипломатии, для дипломатии, в дипломатии. Научно-аналитический журнал Обозреватель (Observer). 2019. №.5 (352). С. 58-72.
- 14) 14. Романова М.Д. Научная дипломатия: измерения и практики. Управление наукой и наукометрия. 2017. №. 1 (23). С. 38-52.